

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВ

ПРИЗРАК БЕЛОЙ СТРАНЫ

КИРИЛЛ МАМЛИН

БУНТ ТЕНЕЙ ИСПОЛНЕННОГО

Кирилл Мямлин
Александр Владимиров
Призрак Белой страны. Бунт
теней исполненного (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43720928

*Призрак Белой страны:
ISBN 978-5-901635-81-0*

Аннотация

Если только допустить, что наша история развивалась бы по другому пути? Предположим, что белые генералы Колчак и Деникин объединились бы и не пустили красные орды на юг России. Тогда Россия бы после Гражданской войны распалась бы на две части: СССР и Российскую Империю. Как бы тогда развивалась страна? Как бы развивался мир? И к чему мы все в итоге пришли? Читайте дерзкий по своим выводам роман Александра Владимирова. Автор пробует оценить сюжет романа «Призрак Белой страны» с точки зрения духовного анализа событий последних двух тысячелетий, в течение которых Мир действительно пытались и упорно пытаются разорвать на куски. Кто это делает, и какие силы руководят? Возможно ли сложение разделенного в Единое?

Содержание

Вместо предисловия	5
Александр Владимиров	6
Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	28
Глава третья	48
Глава четвертая	64
Конец ознакомительного фрагмента.	76

**Александр Владимиров,
Кирилл Мямлин
Призрак Белой страны**

© А. Владимиров. Текст, 2019

© Текст, 2019

© Издательский дом «Кислород», 2019

Вместо предисловия

Кто сказал, что история развивается именно так, как описано в наших учебниках? И даже рассказы очевидцев не всегда есть истина; люди часто видят не что происходило на самом деле, а что сами хотят или что их заставляют увидеть. Маленькая ложь порождает большую, а она, в свою очередь, – чудовищную. Прошлое искажается до неузнаваемости, превращаясь в настоящую фантасмагорию и помогая влиятельным особам сохранять заданную идеологию и принципы жизни дня сегодняшнего. Но раз в истории множество версий – можно ли считать, все описанное в этой книге выдумкой автора, а не отражением реальных событий?

Александр Владимиров

Призрак Белой страны

Часть первая

Глава первая

...Мальчику было страшно: он остро чувствовал опасность; она была рядом в облике почти истлевшего старика со злыми глазами, упорно тянувшего руки к его горлу. От старика дурно пахло, беззубый рот отвратительно щерился.

Детский сон чуток, но короток, и, проснувшись, он обнаружил, что никакого злого старика нет. Точнее, старик сидел напротив и выглядел таким же безобидным и подавленным, как и все остальные пассажиры. Опасность исходила от других – двух бородатых мужиков в поношенных грязных шинелях, и еще одного – короткого, почти карлика в кожаной куртке с рыскающим взглядом и крупным горбатым носом. Несмотря на крохотный росток, он был здесь главным, отдавал резкие команды, которые бородатые тут же исполняли. Дело касалось проверки документов. Каждый пассажир переполненного вагона, волнуясь, протягивал удостоверение,

а карлик надменно решал его судьбу. К кому-то проявлял милосердие, к другим был безжалостен. Его торжествующий голос звучал с хищными модуляциями:

– Что у вас в чемодане?.. Любопытно, любопытно! Ну-ка, Вася, взгляни! Народные ценности увозим, батенька? Быстро на выход.

Ничьи мольбы не действовали. Человека хватали и уводили. Сейчас его ссадят с поезда. А дальше?

И мальчик понимал, хотя был так юн и неопытен, что плохие дяди поиздеваются вдоволь.

Карлик и его провожатые уже рядом. Опять скребущий по сердцу резкий голос потребовал документы. И страх, как огромная птица, расправлял свои крылья.

Сначала карлик с сотоварищами подошли к тому самому старику. Их не смущали ни слезящиеся глаза, ни тихо шапкающий беззубый рот, ни трясущиеся худые руки. Карлик приступил к допросу с пристрастием:

– Так вы гражданин Трофимов?.. А не ваш ли сын – известный деятель партии кадетов?

– Внук он мне, – по простоте душевной ответил дед.

– И вы, значит, к нему? В центр контрреволюционного подполья?

– Какое подполье? Старый я.

– А старый контрой быть не может?

Руки еще более затряслись, старик почти уже рыдал:

– Не занимаюсь я политикой.

– Да неужели?

– Внук в Самаре. Я в другое место еду.

– О, да вы прекрасно осведомлены насчет местонахождения внука. Так, так...

Старик понимал, как осложняется его положение, но пытался отстоять себя. И тут карлик, махнув рукой, заявил:

– Давай-ка его в ЧК. Там выясним, кто таков наш несчастный дед.

– Позвольте! – снова прошамкал старик. – Это же полное беззаконие!

– Так ты, белогвардейская сволочь, обвиняешь советскую власть в нарушении закона?! Вася, то есть товарищ Дрыночкин...

Подручный карлика сгреб лапищей старика и потащил; у выхода их поджидали какие-то люди... А карлик уже переключился на отца мальчика:

– Гражданин Кузьмин?

– Да.

– А это ваши жена и сын?

– Да.

– Так, так...

– У меня что-то не в порядке?

Вертя в руках документы, карлик задумчиво спросил:

– Из какого сословия будете?

– Из мещан.

Мальчик так и не мог до конца понять: почему отец обма-

нывает? Почему скрывает, что он – князь, из рода Горчаковых. Что жена его – дочь богатого купца. Но родители предупредили: этого говорить нельзя.

Выходит то, чем он раньше гордился, приходится скрывать?

Теперь карлик посмотрел именно на него, посмотрел так холодно и жестко, что душа мальчика сжалась в комочек. Но тут карлик снова перевел взгляд на отца:

– Среди мещан, гражданин Кузьмин, немало тех, кто помогал и помогает революции.

– Я ей сочувствую, – пробормотал отец.

– Так, так... Зачем же едете в Ростов?

– Голодно в столице. А там – мои родственники. Авось совместно выживем.

– Контра там недобитая! – гаркнул один из бородатых.

Отец опустил голову, пожал плечами:

– Я... не знаю.

– А знать надо, – язвительно поучал карлик. – Может, и вы такая же контра?

– Да нет же, нет!

– Однако сбегаете.

– Да помилуйте, господин комиссар, чем же я так насолил революции?

– Разве я сказал, что насолили? Будь такое, с вами разговаривали бы по-другому. Пуф! – карлик приставил указательный палец к виску, а большой опустил вниз, изображая

револьвер.

Это короткое слово заставило мальчика вздрогнуть. Мозг ребенка осознавал, что сделать «пуф» маленькому уродливому существу ничего не стоит. Последовало несколько невыносимо тяжелых минут, карлик продолжал изучать документы. Все висело на волоске: вдруг он что-то заподозрит? И тут карлик выдал:

– Ненавижу колеблющихся! Их всех надо к стенке! Бегут с корабля революции. Я ведь и на Юг приду. Я повсюду приду. – И вдруг подмигнул мальчику. – Главное, малыш, ты это запомни.

Неизвестно, чем закончилось бы дело, но всех отвлек какой-то шум в конце вагона. Карлик быстро вернул отцу документы и скомандовал:

– Быстро туда!

Больше карлик и его помощники не вернулись. Поезд тронулся, увозя мальчика и его родителей на спасительный Юг.

...Нет, карлик не ушел. Он нередко возвращался, терзая сознание сначала ребенка, потом юноши и уже зрелого Александра Горчакова. Девятнадцать лет прошло, сколько ужаса и трагедий пришлось пережить ему во время Гражданской войны и после нее! Однако карлик в кожаной куртке оставался для него злым гением. Александру казалось, что все пережитое – только прелюдия к чему-то еще более кошмарному. «Я повсюду приду!» – звучало тяжелым реквиемом по

установившемся временному спокойствию.

...Ночь была душная, хотелось пить. Александр поднялся, направился в сторону кухни. Подошел к большому медному самовару, как вдруг... Чья-то тень! Человек опередил его, нахально уселся за стол. Александр ни секунды не сомневался: это горничная Лена. Чего ей-то не спится? Только что-то странное в ее фигуре: она будто бы сократилась в росте. И вообще... перед ним мужчина?!

Щелкнул выключатель, остро вспыхнувший свет лампы осветил сидящего спиной к Горчакову маленького человечка. Но вот он повернул голову, вываливающиеся из орбит глаза хищно сверкнули:

– Я ведь обещал, что приду.

Александр оцепенел. Но безволие быстро уступило место страстному желанию покончить с уродцем. Как обнаглел: заходит без спроса в любой дом, устанавливает свои порядки. Горчаков сделал резкий шаг к столу... В тот же миг что-то громыхнуло за окном, свет погас, но темнота не овладела миром. Он глянул в окно и ясно увидел, как над землею поднимается кровавая заря. Красные блики освещали деревья, плясали по стенам. Зачарованный жуткой картиной, Александр на мгновение онемел, а когда вновь перевел взгляд на непрошенного гостя, то заметил... что того и след простыл. «Это что, бред?»

Позабыв о жажде и обо все остальном, Александр бросился из кухни.

...Когда сон наконец пришел, то оказался он странным и тревожным. Полная женщина в кокошнике напевала любимую гимназическую песню: «Конфетки, бараночки», но закончить ее не смогла: с разных сторон на нее налетели несколько карликов в кожаных куртках и куда-то потащили...

Горчакова разбудил настойчивый голос служанки. Она несколько раз повторила: «Александр Николаевич, пора!». Александр раскрыл глаза и бессмысленно посмотрел на нее, даже брови нахмурил. Однако служанка, кокетливо поправив прическу, повторила:

– Александр Николаевич, подъем...

– Сколько сейчас?

– Половина одиннадцатого.

– Не может быть.

– Взгляните сами.

Горчаков прекрасно понимал: Лена не обманывает. На дворе – май, двадцать седьмое число, 1937 год, и на часах – ровно половина одиннадцатого. Ему пора в редакцию. Пропади она...

– Пора в редакцию, – подтвердила Лена.

Почему так тяжело вставать? Ах да, он плохо спал ночью. Ходил на кухню и... увидел там карлика.

– Лена? – спросил он, – у нас в доме ночью ничего не случилось?

– А что могло случиться? – удивилась девушка. – Лампочка перегорела.

– Лампочка?.. Надо купить другую. А сейчас – под душ!

– Потереть спинку? – ласково предложила Лена.

– Не надо.

– Почему?

– Милая, давай не будем.

– Как не будем? Никогда?..

– Никогда. На работу пора, и сон дурной снился.

– Сон – ерунда. А лучшее лекарство от кошмаров – интим.

– Мы же договорились...

– Ну да! Я не ревную вас. Как и вы меня. Свободная любовь! Так учили Клара Цеткин и Коллонтай (известные деятели мирового революционного движения, любительницы крылатого эроса. – прим. авт.).

Горчаков подскочил! Серdito бросил:

– Я просил... приказывал никогда не вспоминать эти фамилии.

– Почем-у? – пропела Лена.

– Ты с какого года?

– С семнадцатого.

– А я с десятого. Я прекрасно помню Цеткиных, Коллонтай и иных марксистов. Кстати, а откуда ты про них знаешь?

– Водопроводчик Витя рассказывал. Еще он сказал, что и вы марксист.

– С какого боку?

– Вы тоже сторонник свободной любви. Сколько женщин нашего города побывало в ваших объятиях!

– Лена, женщины и марксизм – вещи разные. Твой водопроводчик – осел. И... приготовь-ка мне лучше завтрак.

За завтраком Горчаков всегда просматривал газеты. Нет, нет, читать он ненавидел, собратья по перу раздражали его. Но он должен знать: не наступит ли катастрофа в ближайшем будущем? Что тогда? Где и как спастись? Вот и сейчас, пробегая глазами первую полосу, пестрящую калейдоскопом мировых событий, Александр невольно отмечал: Гитлер грозит, Советы укрепляются! Добром это не закончится.

Опять перед глазами замелькали картинки его детства и чудовищные события Гражданской войны. Пьяная орда заваливается в их уютный дом в Петрограде и заявляет, что все имущество подлежит конфискации. Когда отец Александра начинает возмущаться, его избивают...

Хорошо, что не расстреляли! Некоторое время они обитали у родственников, надеялись, что прежний порядок восстановится. Но наступил период, когда оставаться в столице стало опасно, над отцом уже витал слухок-приговор: «контрреволюционер». Поэтому однажды ночью родители и маленький Саша по чужим документам отправились на Юг. Тогда в поезде Александр и увидел карлика в кожаной куртке...

Потом был Ростов, смерть матери от тифа. Постоянное ожидание очередной пьяной своры... Недавно отошедший в

мир иной отец Александра говорил: «Благоразумие не оставило наших генералов». И действительно, кто знает, что случилось бы, не объединись вовремя Колчак и Деникин, не двинь Колчак свои войска из Сибири на Юг, не перевези он сюда золотой запас. В результате и был создан нерушимый Южный бастион. Юденич и Врангель проиграли, а Колчак с Деникиным нет!

В 1920 году по инициативе обеих сторон изматывающая Гражданская война закончилась. Большевики так и не могли укрепиться на всей территории России. Но большая ее часть – Север с обеими столицами, Поволжье, Урал, Сибирь осталась под их контролем. Потом еще к ней присоединились населенная горцами часть Кавказа, все Закавказье и Средняя Азия. Красные отказались от самого слова «Россия», заменив его на «СССР». Другая же часть страны – Екатеринодар, Ставрополь, Ростов, Воронеж, Курск, Белгород, дальше на запад – Малороссия и Белая Русь образовали свое государство со старым названием «Российская Империя». Правда, никакой Империи не было и в помине. О царе остались лишь воспоминания, железный вождь Колчак уже почти два года как сложил свои диктаторские полномочия; теперь здесь господствовала демократия западного типа.

– ... Так когда, Александр Николаевич? – не унималась Лена.

– Что когда?

– Спинку потереть?

– Успокойся, Лена, слишком частый интим вреден.

– Неправда!

– Правда... Ого, около Курска опять поймали перебежчиков.

– И что с ними будет?

– Поймали не наши. Так что ничего хорошего.

К северу от Курска проходила граница между двумя государствами; в последнее время участились попытки пересечь ее со стороны Советов. Видимо, число желающих жить в условиях коллективизации, голода, тотального террора все уменьшалось. Не так давно советским пограничникам был дан приказ: по всем перебежчикам открывать огонь на поражение. Гуманизм высшей пробы!

– Курск – совсем рядом с нами, – глубокомысленно заявила Лена.

Александр не ответил, его мысли прервал телефонный звонок. Он поднялся, снял трубку висевшего на стене большого черного аппарата. Женский голос возмущенно изрек:

– Он еще дома!

– Да, обдумываю тут разное... По работе, конечно!

– Может, уволишься? Я с удовольствием приму твое заявление. Будешь спокойно обдумывать все, что захочешь.

– Обманиваешь. Без удовольствия.

– Негодяй!

– Скучаю, дорогая.

– Значит так, ваше сиятельство, отправляйся срочно на

Ямскую.

– Зачем? – поинтересовался Александр у владелицы газеты и по совместительству главного редактора Алевтины Черкасовой.

– Убийство.

– Неужели в Старом Осколе кого-то убивают?

– Не просто «кого-то», а Зинаиду Федоровскую.

– Нашу ведущую актрису?!..

– С ней ты не спал?

– Я невинен, как младенец. Кто убийца?

– Тебе и предстоит выяснить. Будешь вести от газеты официальное расследование.

– А полиция? Как она меня воспримет?

– Твоя забота, – ответила Черкасова и положила трубку.

Недавно земское управление города решило поменять статус Старого Оскола, превратив его из небольшого сельскохозяйственного центра в новый Монте-Карло. Уже построили казино, крупный развлекательный центр, несколько небоскребов. Целый район выделили под этот проект, где и осуществлялось строительство, название ему дали Новый город. Но в Старом городе – даже машины редкость. Поэтому Горчаков поймал извозчика, и вскоре уже оказался на месте. Большой двухэтажный дом был оцеплен полицией. На известного в городе журналиста стражи порядка смотрели не слишком дружелюбно, он изрядно надоел им своими «сар-

кастическими» статьями. Однако Александра это не смутило, он тут же завязал разговор с коренастым сержантом:

– Где случилось? В самом доме?

– Ага, – нехотя ответил тот.

– Мне бы пройти, посмотреть.

– Не положено.

– Я представитель прессы. Мы ведь не на Севере у коммунистов живем, чтобы оставаться в полном неведении.

– Не положено, – повторил сержант.

– Что ж, придется обратиться к Ивану Афанасьевичу.

Имя городского головы никак не подействовало на коренастого полицейского. Он лишь скривился:

– У нас один начальник – Корхов Анатолий Михайлович. Даст добро – пройдете.

– Где его найти?

– Да вон он. Сам к вам идет.

Начальнику полиции Старого Оскола было немногим за пятьдесят, а выглядел едва ли не на семьдесят. Грузный, страдающий одышкой, он едва переступал больными ногами. Заметив надоедливую журналиста из «Оскольских вестей», развернулся было в другую сторону, однако проскользнуть мимо Александра не удалось.

– Ну? – недовольно буркнул Корхов.

– Здравствуйте, Анатолий Михайлович. Вы вроде не рады встрече?

– А чему радоваться? Я ведь не одна из ваших красоток,

господин Дон Жуан.

Александр пропустил мимо ушей колкость начальника полиции и продолжал гнуть свою линию:

– Народ желает знать...

– Народу это безразлично, – окончательно рассвирепел Корхов. – Все вы, пресса...

– Как же вы нас ненавидите.

– А за что любить?

– Вы бы отлично смотрелись на соответствующей должности в коммунистической Москве или Ленинграде, – усмехнулся Горчаков.

– Почему?

– Там тоже не жалуют прессу.

Корхов посопел, слыть ненавистником прессы ему явно не хотелось. Поэтому следующую фразу он хоть и с трудом, но выдал из себя:

– Что интересует?

– Кто убил? Какова цель преступления?

– Я не всезнайка.

– Версии есть?

– Версия – это только версия, – философски изрек Корхов.

– А можно мне пройти вовнутрь?

– Зачем?

– Но ведь убийство произошло в доме.

Корхов помолчал, посопел, затем махнул рукой: мол, что

с вами писаками поделаешь. И отдал распоряжение пропустить Горчакова в дом убитой актрисы. Несмотря на внешнюю суровость, начальник полиции Старого Оскола слыл человеком душевным и сговорчивым. Некоторые даже задавались вопросом: как он вообще стал полицейским?

Федоровская занимала приличный каменный особняк с большим двором, садом и несколькими пристройками. Запертая в будке собака бешено лаяла и рвалась наружу. По лестницам и в прихожей сновали хмурые лакеи и плачущие служанки. Один из полицейских вызвался проводить Горчакова к конкретному месту убийства, сообщив по пути новые подробности дела.

Актрису убили в ее же спальне. Спать легла она поздно, попросила слуг не беспокоить. Никто и не заходил к ней. А тут рано утром депеша из Белгорода, передать велено в собственные руки. Личный секретарь Федоровской Наташа постучала к хозяйке. Ответа не последовало, тогда Наташа решилась зайти и увидела, что Зинаида Петровна мертва, преступник перерезал ей горло. Естественно – крики, паника, обмороки.

– А где труп? – спросил Александр, осматривая кровавые простыни и одеяло.

– В морге, – с удивлением ответил полицейский. – Где же ему еще быть?

– Можно переговорить с Наташей и другими слугами?

– Пресса у нас взялась за работу полиции?

– Нет. Просто поможем друг другу, – приветливо ответил Горчаков и, получив соответствующее разрешение, направился в комнату секретаря Федоровской.

Наташе было около тридцати, женщина – довольно мило-видная, только слегка портила полнота. Красные от слез глаза смотрели на Горчакова испуганно, устало. Он протянул ей визитку и спросил:

– Несколько вопросов, если позволите?

– Я уже все рассказала полицейским.

Александр применил весь свой шарм и обаяние, ласково улыбнулся, блеснув белоснежными зубами, и доверительно шепнул:

– А мне можно?

Девушка горько вздохнула:

– Тяжело это... очень тяжело.

– Понимаю. Вы ведь были близки с хозяйкой?

– Не скажу, чтобы очень. Да и не могло между нами быть близких отношений. Зинаида Петровна – известная актриса, пусть периферийного театра. Ее приглашали с выступлениями в Белгород, в Ростов, в Харьков. А кто я? Мелкая служащая. Только служила всегда честно.

– Вы, как секретарь, были в курсе ее дел?

– Рабочих – да.

– А личных?

– Возлюбленными ее не интересовалась... Если намекаете

на это...

– А они у нее были? – заговорщически подмигнул Александр.

– Как у любой женщины.

Наташа осеклась, боясь, что сказала лишнее. Пресса – не полиция. Здесь не следует особо раскрываться. Да еще предстоит искать новую работу. Наболтай она про хозяйку, пусть мертвую, пойдет молва: сплетница. И тогда точно нигде в Старом Осколе не устроишься.

Горчаков все это понимал, но сдаваться не собирался. Как бы невзначай сказал:

– Ходили разговоры про связь Зинаиды Петровны с управляющим банком Ереминым?

– Не видела, не знаю.

– Но ведь он у вас частенько появлялся.

– Какое частенько! Заедет раза два или три в месяц.

«Значит, заезжал!»

– Поговаривали, что и госпожа Федоровская к нему была неравнодушна.

– Чушь! Ей и тридцати не было, а ему – почти семьдесят. Кому интересен старик? – здесь она выразительно посмотрела на Александра.

– А деньги?

– Деньги у моей хозяйки водились.

– У актрисы периферийного театра?

– Я же говорю: бенефисы у нее были, по всей России ка-

талась.

– Но и бенефисами, дорогая Наталья, на такую роскошь не заработаешь. Вон какой дом! А от ее нарядов все модницы с ума сходили! У жен наших фабрикантов ничего подобного не было. Моя шефиня только и обсуждала ее наряды!

– Да ну?

– Точно! Уже номер в печать подписывать, а она: «Нет, вы видели, какова была сегодня Федоровская на балу у главы города! В Париже все это куплено, в Париже! Я целую ночь не спала».

Наташа слишком серьезно восприняла его бравладу и острожно заметила:

– Может, Еремин давал ей что.

– А кого-то еще она привечала?

– Скрытная она была!

– Но раз вы секретарь, ведете ее дела, неужели не полюбопытствовали: откуда у вашей хозяйки такие доходы? Вдруг они не совсем честные?

Тут Александр понял, что явно переборщил, лихая кавалерийская атака захлебнулась. И Наташа смекнула, что этот красавчик ради своих целей запрягает ее по полной, сразу насупилась, ушла в себя. Однако Горчаков не отступал, попросил ее рассказать о событиях прошедшей ночи. Наташа с минуту поревела, а затем начала:

– Где-то около полуночи Зинаида Петровна вызвала меня и горничную Лику, объявила, что собирается встать поздно,

дел с утра нет. Так чтобы без надобности не будили.

– А она всегда вставала поздно?

– Нет, только после спектакля.

– А вчера спектакля не было?

– Нет.

– Она не показалась вам взволнованной?

– Трудно сказать. Вроде бы нет.

– Чего-нибудь необычного в ее поведении не заметили?

И опять Горчаков посмотрел на нее ласково-ласково, может, растает, расколется? Но ее ответ разочаровал:

– Не заметила.

– Ну а что случилось потом?

– Мы пошли спать.

– Ничего не слышали? Ни шума, ни...

– Ничего.

– Что случилось утром?

– Около восьми – стук в ворота.

– Откуда вы знаете, что около восьми?

– Он меня разбудил, я и посмотрела на часы. Еще подумала: кто это в такую рань?

– И?!..

– Матвеич, дворник, пошел открывать. А там человек с депешей из Белгорода.

– Открыл ему точно Матвеич?

– Да. Он сам сказал. Матвеич сообщил Лике, та – мне. Я и встретила того с депешей.

– Наташа, а описать этого человека можете?

– Ему лет двадцать. Имя... вот имя забыла. Протягивает документ, мол, срочно на подпись Зинаиде Петровне. Я ему: «Будить хозяйку нельзя. Обожди немного». А он ни в какую! Ему еще обратно возвращаться. Я даже предложила расписаться вместо нее. «Нельзя, – отвечает, – документ финансовый! Вдруг у Зинаиды Петровны вопросы будут, претензии. Пусть сразу отпишет».

– Что было в том документе?

– Новый контракт на выступление в Белгородском драматическом театре.

– И что дальше?

Но секретаря Федоровской будто заклинило. Ей предстояло перейти к самым страшным событиям.

– Я вынуждена была нарушить приказ хозяйки, постучала. Только она не открыла. Постучала снова и снова. Кто-то из слуг предложил войти...

– Кто именно?

– Не помню... Я вошла, а там...

Наташа закрыла руками лицо, снова зарыдала. Горчаков помолчал, но нормального разговора уже не получалось. Он спросил: мог ли кто-нибудь ночью войти в дом? Возможно ли вообще проникнуть в спальню хозяйки, не привлекая внимания («Собак ведь в позднее время наверняка спускают с цепи, они бы лаем разбудили домочадцев»)? Не точил ли на Зинаиду Петровну зуб кто из слуг? На все вопросы сек-

ретарь качала головой и повторяла:

– Не знаю! Ничего не знаю!

И только когда Александр поинтересовался: «Не пропало ли чего ценного?», Наташа встрепенулась:

– Полиция тоже спрашивала. Все ее драгоценности на месте. А деньги Зинаида Петровна хранила в банке.

– Откуда вы знаете, что драгоценности на месте?

– Они находились в запертой шкатулке. Потом полиция ее вскрыла.

– Может, что-то пропало? Какая-то «безделушка»? – допытывался Горчаков.

– Нет! Я хорошо знаю драгоценности хозяйки, – Наташа прервалась, точно брякнула лишнее.

Следующей была Лика, оказавшаяся полной противоположностью плачущей Наташе. Разбитная, румяная, высокая, она сама налетела на Александра и перво-наперво сообщила, что учится в университете, а здесь просто подрабатывает. Смерть Федоровской девушку совсем не волновала. «На домашнюю прислугу – большой спрос. Не здесь, так в другом месте!» – безжалостно констатировала Лика.

Как и Наташа, она ничего не слышала («Крепко спала!»). Проснувшись утром, когда началась суматоха из-за прибытия парня из Белгорода, точнее, ее разбудили («Чего вставать, раз хозяйка просила не беспокоить»). В комнату к Зинаиде Петровне заходила Наташа, от нее Лика и узнала о страшном

преступлении.

О жизни хозяйки она могла сказать мало, поскольку работала здесь недавно. Однако эпитеты, которыми она награждала Федоровскую, не казались лестными. «Заносчивая! Хамоватая! Орала на слуг по любому пустяку». Лица заявила, что в любом случае бы отсюда ушла, «здесь ей до чертиков надоело». О драгоценностях хозяйки не знала ничего, как и о каких-либо криминальных делах. Зато едва разговор зашел о возможных любовниках Федоровской, девушку понесло:

– К ней не только Еремин заезжал. Многие – инкогнито.

– Даже так? – удивился Александр.

– Они не представлялись. Третьего дня, например, один высокий, черноволосый с усищами, постучал в ворота и потребовал: «Проведи к хозяйке!» Я было спросила: «Кто? И по какому делу?», а он вдруг перебил, да так резко: «Друг я ее. Так и передай Зинаиде: друг приехал».

– И она его приняла?

– Еще как принимала! В кабинет свой провела, закрылись. И долго-долго не открывали.

– Думаете, любовная сцена?

– Кто же скажет? Да и мало ли зачем двое уединяются. Вот мы с вами сейчас тоже вдвоем...

Судя по игривому тону, Лица была не прочь броситься Горчакову в объятия. Да и он бы пошалил с девицей. Но не сейчас. Прежде следовало сообщить редакции о своих первых выводах.

Александр перекинулся с Ликой еще парой фраз, пообещался с другими слугами. Затем вышел во двор, внимательно осмотрел дом. Спальня Федоровской на втором этаже, окно открыто. И, наверное, было открыто всю ночь. И все-таки довольно сложно сюда пробраться, не привлекая внимания.

Кто-то должен был услышать убийцу! Если только... Зинаиду не прикончил один из домочадцев?

Дежуривший сержант язвительно поинтересовался: узнали Горчаков что-либо интересное? Александр в ответ вдруг хитро подмигнул:

– Так, кое-что.

Пусть полиция теряется в догадках!

Глава вторая

Центральная улица города, носившая ранее название Курская, не так давно была переименована в улицу Колчака-освободителя. На такой шаг депутаты земского собрания пошли не по воле Верховного правителя России, а, скорее, против нее. Но уж очень всем хотелось почувствовать близость знаменитого адмирала. Когда-то здесь уютно располагались маленькие домики, торговые лавки, несколько церквей. Ныне все изменилось: дома взмывали ввысь, новенькие магазины пестрели заманчивыми вывесками, а кроме того – банки, конторы, здание администрации, рестораны, кафе. Короче – классический европейский город, но с русской спе-

циффикой.

Горчаков вошел в здание шестнадцатизэтажной башни. Здесь, на первом этаже и размещалась газета «Оскольские вести». Всего – три комнаты, да и штат небольшой – шесть человек. Кроме Черкасовой и Горчакова работали журналисты Альберт Стогов, занимавшийся аналитическими статьями, в том числе анализом законов, принимаемых местной властью, Ольга Филимонова – специалист по светской хронике, корректор Вера Дрожжина, и секретарь редакции Любочка.

Именно Любочка – пышногрудая, миниатюрная, с вьющимися локонами золотистых волос и встретила Александра. На его немой вопрос: «Шефиня у себя?» обиженно ответила:

– И только?

Горчаков изобразил на лице непонимание, тогда секретарь с еще большей обидой добавила:

– А ведь обещал... хотя бы цветы.

Александр мысленно отругал себя, что нарушил важнейшее правило: на работе ни с кем и никогда. Но перед аппетитной Любочкой не устоял... Впрочем, как и перед Филимоновой и самой Черкасовой. Лишь почтенная по возрасту Вера Сергеевна Дрожжина избежала его пылких объятий. Главное, чтобы дамы не поделились между собой откровенными признаниями, а то ревнивая шефиня даст им прикурить!

– ...Цветы потом, дорогая, зачем афишировать наши от-

ношения?

– Мы оба – люди холостые.

– Не забывай, для Алевтины Витальевны нет ничего важнее работы. А разные амуры, лямуры – в нерабочее время и желательно на стороне. Поэтому – голос Александра зазвучал торжественно, точно на параде, – ... главная у себя?

– Сейчас доложу, – понятно вздохнула Любочка. Но, проходя мимо Горчакова, больно ущипнула его.

В ожидании вызова шефины Александр в который уже раз бросил взгляд на очень красивый календарь на стене, подарок редакции одного местного промышленника. Календарь содержал хронологию важнейших событий становления новой Российской Империи. Вновь и вновь Горчаков пробегал их глазами.

Октябрь 1919 г. Соединение армий А.В. Колчака и А.И. Деникина.

Май 1920 г. Окончательная победа над красными по всему южному направлению.

1 июня 1920 г. Образование Российской Империи во главе с Верховным правителем А.В. Колчаком.

Июнь 1920 г. Признание Российской Империи практически всеми государствами Европы.

10 июля 1920 г. Подписание с советской Россией договора о ненападении.

Сентябрь 1920 г. Антибольшевистский переворот в Минске. Белоруссия входит в состав новой Российской Империи.

Декабрь 1920 г. Окончательное подавление на территории Империи всех движений, проповедующих федерализм. Бегство за границу Нестора Махно.

1 января 1921 г. Провозглашение А.В. Колчаком основных принципов существования государства: одна страна, один народ, одни устремления.

Март 1922 г. Подавление крупнейшего большевистского мятежа в Ростове, Харькове и Воронеже. Любая большевистская агитация объявляется вне закона.

Сентябрь 1924 г. Возобновлен экспорт сельскохозяйственной продукции в европейские страны.

Декабрь 1926 г. Уровень промышленного и сельскохозяйственного производства Империи впервые превысил на этих территориях довоенный.

Ноябрь 1931 г. Проведена полная электрификация Империи.

Апрель 1932 г. Подписание договоров о дружбе и сотрудничестве с Великобританией, Францией и США.

Декабрь 1933 г. Подписание договора о взаимовыгодном партнерстве с Третьим Рейхом.

Сентябрь 1935 г. Добровольное отречение от власти А.В. Колчака. Первые в истории страны свободные парламентские выборы.

Появилась Любочка и елеиным голоском произнесла:

– Вас ожидают.

– Ожидают? Она не одна?

– Зайдешь – увидишь.

– Если серьезно: кто у нее?

– Стогов вернулся из командировки.

– Уже? – уныло протянул Горчаков, не слишком жаловавший своего коллегу по работе.

Александр открыл дверь в кабинет шефины. Как обычно строгая и ослепительная Алевтина слушала страстную речь Стогова. Был тут и третий. Человек сидел спиной к Горчакову. Черкасова наигранно холодно кивнула:

– Проходите. Хочу представить одного из наших лучших журналистов Александра Николаевича Горчакова, кстати, представителя известного княжеского рода.

Незнакомец повернул голову и... Александра будто током ударило! Карлик из поезда!

Лишь спустя мгновение он понял, что ошибся. Человек оказался очень высоким, и нос у него не орлиный, скорее – картошкой. Если волосы карлика напоминали смоль и вились, то у этого они – редкие, белесые. Ни одной похожей внешней черты. И все же что-то общее у них было, возможно – колкий холодок в глазах. Жестокость?

А гость Черкасовой уже схватил руку Александра, крепко затряс ее:

– Очень приятно.

В голосе явно слышался акцент. «Откуда он?». Загадка разрешилась сама собой:

– Я – Вильгельм Дрекслер, советник по делам культуры

Третьего Рейха. Очень приятно познакомиться с настоящим князем.

– Господин Дрекслер прибыл к нам со специальным поручением, – сказал Стогов.

– О, да! Со специальным поручением! – гость попробовал улыбнуться, однако лицо от этого стало еще более зловещим.

Горчаков отвел взгляд от Дрекслера и осторожно напомнил шефине:

– По поводу моего задания...

– После. Я хочу, чтобы и вы послушали предложение советника.

Александр молча наклонил голову и присел.

– Очень рад, господин Горчаков, что я познакомился с вами, – сказал Дрекслер. – Надеюсь обрести нового союзника.

Александр отнесся к его словам с определенной настороженностью. Он никогда не забывал, кто виноват в трагедии России. Сначала немцы развязали войну, потом подкупили предателей в лице Ленина и его подручных, а те одним махом развалили страну. Да и сейчас вождь Рейха весьма нелицеприятно высказывается о русских.

– Своим появлением в редакции я обязан моему замечательному товарищу Альберту Стогову.

– Это так! – конопатое лицо Стогова просияло от удовольствия, а Дрекслер продолжил:

– Когда он приезжал в Рейх, мы долго беседовали и отлично поняли друг друга. Он был и в Москве, впечатление

от большевистской столицы у него не слишком приятное.

– Мягко говоря...

– Красные по-прежнему мечтают о мировой революции, их аппетит огромен: Европа, Америка, весь мир должен быть включен в орбиту коммунистического влияния. Но главная цель – ваша процветающая страна. Они никогда не смирятся с тем, что значительная часть их территории (как они считают!) отторгнута.

– По уровню развития производства и качеству жизни мы вошли в десятку самых успешных стран, – как бы невзначай напомнил Стогов. – И все это отдать Советам?

– О, да! – воскликнул Дрекслер. – Потерять свою прекрасную жизнь вы не должны. Поэтому Русской Империи нужен союзник.

Здесь он сделал многозначительную паузу, окинув приценивающим взглядом и Черкасову, и Горчакова.

– Мы заключили договор о дружбе с Англией, Францией и Америкой, – напомнил Александр.

– Вы и раньше дружили! А они вас кинули. Когда во время Гражданской войны Колчак отказался переводить золотой запас России к ним в банки, они решили сдать его большевикам. И сдали бы, не соединись он вовремя с Деникиным. Та история вам известна? По глазам вижу – да!

– Но и Германия вела себя не слишком дружелюбно, – усмехнулся Александр.

– Правильно. Мы воевали! А на войне любые методы хо-

роши. Если мы воюем, так воюем. Дружим, так дружим. Мы, немцы, никогда не продаем друзей как иуды-англичане.

Александр до сих пор не понимал, к чему клонит германский визитер. А тот все больше хорохорился:

– У нас много общего. Фюрер назвал русских братьями. Мы абсолютно идентичны внешне, схожи культурой, традициями, государственным устройством.

– Отныне у нас республика, – возразил Горчаков.

– Сейчас республика. А недавно был верховный вождь. И еще: и вы, и мы придерживаемся идеи мононационального государства; основной народ в абсолютном большинстве.

– Зато Советы подобрали всех инородцев, – хихикнул Альберт. – Русские в СССР уже в меньшинстве. С учетом же того, сколько их перебежало к нам...

Дрекслер сделал ему незаметный жест остановиться, однако Горчаков его уловил. «Что же получается: нашим Альбертиком руководят из Германии?»

– Наконец фюрер и ваш Деникин едины в вопросе иудеев.

– Не совсем, – вступила в разговор Черкасова. – Их действительно не брали офицерами в Добровольческую армию, поскольку многие перебегали к красным. Война – и ничего более.

– А сколько их уехало после войны? – лукаво поинтересовался Дрекслер.

– В Москве и в Америке они нашли своих единомышленников, – пожала плечами хозяйка «Оскольских вестей».

– И они не спасались у вас от погромов?

– Погромы устраивали не Колчак с Деникиным.

– Может, перейдете к сути? – не выдержал Горчаков.

– Я уже перешел. Довольно нам, братским народам, враждовать. Да здравствует союз великих!.. Кстати, я приглашаю вас, госпожа Черкасова и вас, князь, посетить Берлин.

Было видно, что Черкасовой это приятно, и она не прочь воспользоваться приглашением. На лице Александра по-прежнему читались ирония и недоверие. Дрекслер не прекращал атаку:

– Вы женаты, князь?

– Пока нет.

– Тогда тем более следует посетить Берлин. Очень уж хороши наши девушки. Любая с удовольствием выйдет замуж за такого красавца с арийским лицом.

– В России тоже красавиц достаточно, – парировал Горчаков. – И все же, что вы конкретно хотите?

Дрекслер наигранно откашлялся, новая пауза помогала ему отыскать нужные слова.

– Старый Оскол превращается в крупный культурный и деловой центр.

– До этого еще далеко.

– О, нет! Очень скоро он станет одним из новых столпов Русского государства. И Рейх готов помочь ему в процветании.

– Каким образом? – поинтересовался Александр.

– Вложением средств. У вас ведется разработка железной руды, готовится строительство крупного горно-обогательного комбината. Фюрер хочет, чтобы немецкие компании участвовали на всех стадиях работы.

– А мы тут причем? – удивилась Алевтина.

– Даже очень причем! После войны в русском сознании образ немца утвердился как образ врага. Да еще либеральная пресса изображает фюрера монстром. Но мы стремимся разрушить старые мифы. И ищем здесь союзников. Газета «Оскольские вести» могла бы стать таким союзником.

– Что для этого нужно?

– О, госпожа главный редактор, если бы вы согласились пропагандировать идею Германии как главного друга вашей страны и показать гигантские перспективы Третьего Рейха! Мы создали бы совместный проект с одной из газет Франкфурта или даже Берлина. Безусловно, потребуются средства, Рейх готов их предоставить. Здесь я говорю как официальное лицо.

– Вы нас покупаете, – подытожил Александр.

– Создаем общее предприятие, – осторожно поправил Дрекслер.

– Ну, купить нас не просто, – усмехнулась Черкасова. – Бюджет у редакции неплохой. И администрация города поддерживает финансово. Однако предложение рассмотреть стоит.

– Еще как стоит! – воскликнул замолчавший было Аль-

берт.

Дрекслер поднялся, поцеловал Черкасовой руку, дружелюбно пожал ее Горчакову и с широкой улыбкой попрощался. Стогов бросился его провожать.

– Ну и как? – поинтересовалась Черкасова, когда они с Александром остались одни.

– Побывал я в доме актрисы Федоровской.

– Подожди, что скажешь о только что поступившем предложении?

– А сама как считаешь?

– Почему бы его не принять?

– С какой стати? Терять независимость? Нахвалявать чужого дядю, причем – злого и хищного.

– Слышал бы Альберт. Он бы тебя...

– Разорвал. Только у него это не получится.

– Что тебя смущает?

– Не слишком доверяю Германии. Неважно, кайзер там, Веймарская республика или Рейх. Мы им нужны, вот и любезничают. А станем не нужны?.. Меня удивляет, почему ты вообще задаешься подобными вопросами.

– Видишь ли, – задумчиво промолвила Черкасова. – Возникла серьезная проблема. Другим членам редакции не говорила, тебе скажу. Газета перестала приносить доход. Тираж вроде бы не упал, но... этого мало. Надо расти! Покрывать убытки самой, тратить наследство отца я бы не хотела.

– А наша городская администрация?

– Разве от нее многого дождешься! Дрекслер это знает. Я заметила усмешку на его лице, когда сказала о финансовой поддержке газеты со стороны города. Он о многом осведомлен.

– Работа Стогова.

– Его или кого другого. Вероятно, у него есть и свои источники информации.

– Все равно, продаваться немцам...

– Еще ничего не решено.

– Но ты сказала...

– Я сказала: «Почему бы его не принять?».

Алевтина закурила сигарету и, пуская грустные колечки, резко переменяла тему:

– Теперь расскажи, что там с убитой актрисой?

Александр поведал обо всем, что увидел и услышал в доме Зинаиды Петровны. Информации, увы, кот наплакал.

– ... Более всего смущает, что никто не слышал, как убийца проник в дом. А ведь должен был слышать. Выходит, убийца прятался в доме? Или это кто-то из своих?

– Как можно спрятаться в доме, когда вокруг постоянно снуют люди? – Алевтина постучала в напряжении пальцами по столу.

– Спрятаться можно, если тебя *спрячут*.

– Тогда опять приходим к тому, что в деле замешаны домочадцы. Кто-то из них показался тебе подозрительным?

– На внешний вид все они ангелочки.

– А что насчет личной жизни Федоровской? Мужчины? Карточные долги?

– Насчет карт... Никогда не слышал, чтобы она играла. Город у нас небольшой, слухи бы быстро разнеслись. Мужчины... Был у нее друг, управляющий банком.

– Я в курсе, – перебила Черкасова, не давая произнести вслух имя священной коровы, иногда подпитывающей и саму редакцию. – А еще?

Горчаков передал слова Лики о черноволосом с усищами. Вроде бы тот имел на актрису влияние.

– Любопытно: черноволосый с усищами, – Алевтина силилась вспомнить, не похож ли он на кого из ее знакомых или друзей. – Корхов ничего не сообщил?

– Дождешься от него чего-нибудь кроме ругани!

– То есть пока ты ничего существенного не узнал?

Александр развел руками, чем привел Алевтину в негодование:

– Это дело мы обязаны довести до конца. Ты обязан! Прояви настоящую хватку журналиста, разнюхай все, как лучшая сыскная собака! Можешь рассчитывать на мои контакты. Только сделай это раньше полиции. Не сегодня – завтра Старый Оскол забурлит. Люди будут ждать имя убийцы! Если опять запорешь дело... Придется распрощаться. Сам понимаешь, работа превыше всего! Не огорчайся, любовниками мы останемся.

«Не надейся!» – мысленно отозвался Горчаков.

– Чего молчишь?

– Да вот думаю: когда и какое дело я завалил?

– С реальным авторством «Тихого Дона».

– Считаю, что поступил правильно. Сама посудите: приходит неизвестная дамочка и заявляет, будто роман написал ее убитый на войне дядя Виктор Севский (Псевдоним известного литератора Краснушкина В.А. – прим. авт.). Показывает какие-то непонятные черновики: листки, обрывки страниц. Мол, мальчишка-красноармеец украл их и издал под своим именем.

– Ее аргументы показались мне убедительными. В двадцать с небольшим такие романы не пишут.

– Все эти аргументы мне известны. Но пока я не поговорил с Шолоховым, выводы делать рано.

– Почему же не поехал, не поговорил?

– Советы не слишком жалуют белогвардейских деток. Да и принял бы меня Шолохов? Да еще по такому неприятному вопросу?

Горчаков не желал сознаваться в своем паническом страхе перед СССР. Боялся он не НКВД, не красной милиции, а... карлика. Ему постоянно казалось, что пучеглазое, горбоносое существо только и ждет, когда Александр пересечет границу.

– Забудем о «Тихом Доне», – милостиво разрешила Черкасова. – О Шолохове у нас в городе мало кто слышал. А вот Федоровская...

Едва Горчаков покинул кабинет шефины, на него налетел Стогов. Он выглядел злым, потрясал кулаками:

– Как ты разговаривал с господином Дрекслером?

– Нормально.

– Ты открыто язвил!

– Бред! У меня всегда такой тон.

– Ты не поддержал его!

– Для того, чтобы поддержать, необходимо полностью понять что к чему.

– И потерять золотое время? Мы живем почти у самой границы! Хочешь, чтобы Советы заявили по твою душу? В Старом Осколе есть те, кто их поддерживает. Бедные и ленивые. Даже твоя горничная наверняка не откажется в законном порядке оттяпать часть дома хозяина.

– А ты что так стелешься перед Дрекслером? Он тебе приплачивает?

Стогов чуть не задохнулся от ярости, но развернулся и быстро ушел.

Горчаков бесцельно бродил по городу, пытаясь выстроить план расследования. Однако в голове царил кавардак, из которого не могла появиться ни одна толковая мысль. Куда сейчас? В театр? Обстоятельно побеседовать с актерами, режиссером? Или еще раз переговорить со слугами Федоровской? Или... в банк, к господину Еремину?

Внезапно он увидел машину Корхова, которая остановилась почти рядом. Начальник полиции вылез и протопал в

одноэтажный дом желтоватого цвета. Ба! Он здесь живет. И Горчаков решился...

Выждав пару минут, Александр позвонил. Дверь открыла круглолицая женщина лет пятидесяти.

– Мне бы Анатолия Михайловича.

Он даже не успел представиться, как женщина закричала:

– Анатолий, тебя!.. Да вы проходите, молодой человек. Обстановка довольно скромная, обыденная. Очевидно, хозяева чурались роскоши. Этого можно было ожидать: начальник полиции Старого Оскола не был щеголем, на торжественных приемах, в городской администрации и других публичных местах всегда появлялся в допотопной немодной одежде.

– Кто там, Настя?

Корхов замолчал, столкнувшись с Александром, в глазах читалась досада. Но, сдерживаясь, сказал:

– Проходите, раз пришли. Прошу за стол.

– Мне право неудобно. Незваный гость...

– Гость незваный, а за стол все равно следует сесть. Настя, борща Александру Николаевичу.

На столе появилась объемная тарелка с дымящимся, вкусно пахнущим борщом. Анатолий Михайлович открыл графинчик:

– Водочки не желаете?

– Благодарю. Пожалуй, не стоит.

– Вы не больны?

– Нет.

– Тогда извольте отведасть.

Водка оказалась крепкой! Александра передернуло, зато Корхов крякнул от удовольствия.

– Еще будете?

– Ни в коем разе! Я на работе. Я хотел у вас спросить...

– Закусите, потом спросите.

Над столом только ложки летали! Единственное, о чем думал сейчас Горчаков: не объестся бы этой вкусотищей. А Корхов предупредил, что их еще ждет бараний бок.

– Да вы что, Анатолий Михайлович...

– Ешьте! А я еще рюмочку с вашего разрешения.

Александр вдруг как-то расслабился, что обычно бывает в кругу искренних, добрых друзей, ощутил желание рассказать начальнику полиции о разговоре с Дрекслером. Может, в предложении немца и впрямь есть рациональное зерно? Стоит посоветоваться с опытным человеком.

И он, как бы между прочим, поведал Корхову о визите в редакцию представителя Рейха. Однако ответ оказался для Горчакова разочаровывающим. Корхов говорил, как рубил:

– Я, молодой человек, в политике не искушен. Мое дело ловить преступников. Преступники были и при царе, и при Советах, где я служил, правда, недолго, и у нас они, и в том же Рейхе. Режимы меняются, а Корхов остается. Пришли вы ко мне не за тем, чтобы рассказать о каком-то Дрекслере. Вас интересует смерть Федоровской.

– Очень интересует.

– От меня что требуется?

– Помощь.

– То есть сообщить о ходе расследования. А с какой стати?

За разглашение служебной информации меня следует разжаловать и под суд отдать. И кому разглашаю! Вдруг вы убили Зинаиду Петровну?

– Вы прекрасно знаете, что никого я не убивал.

– Ничего я не знаю. Даже если у вас алиби. Наводчиком могли быть.

– Никогда не думал...

– Что подозревать вас стану? Работа такая: подозревать всех и каждого. Шучу! Не убивали вы актрису: ни к чему вам это, да и не тот масштаб. Тут задействованы более крупные люди. С деньгами, связями, влиянием. Зинаида Петровна была женщиной непростой. Информации я вам не дам. Однако у меня есть предложение. Заключение деловое соглашение, Александр Николаевич? Я подскажу, куда направить стопы, а вы после передаете мне все разговоры. Вдруг накопаете больше моих сотрудников. Разговорите женщин, они вас любят. А женщины, чувствую, здесь замешаны!

– Стукачом хотите сделать?

– Да. И совершенно бесплатно. У полиции нет лишних денег.

– Не нужны мне ваши деньги. Я получаю достаточно.

– Тем более, – хитро подмигнул Корхов.

– ...Но не за стукачество.

– Дело не в стукачестве, а в том, чтобы поймать убийцу.

Идем разными путями, а цель одна.

Горчаков прикидывал: насколько полезно предложение Корхова. Здесь есть рациональное зерно: можно быть в курсе многого. Старый Лис хочет использовать его... Надо использовать самого Лиса.

– Согласен.

Анатолий Михайлович кивнул. Казалось, он и не ожидал иного.

– Тогда жду ваших первых указаний.

Корхов внимательно посмотрел на своего гостя:

– Почему бы вам не навестить в театр?

«Все-таки театр!»

– Переговорите с режиссером Степановым, актрисой Прохоренко, главной соперницей Федоровской, и актером Лапиным – он у них играет героев-любовников.

– Степанов, Прохоренко, Лапин...

– Именно.

– А если еще и с банкиром Ереминым?

– С Юрием Ивановичем? С ним встретитесь чуть позже. Пока время не пришло.

Выйдя от начальника полиции, Горчаков направился было в театр. Однако по дороге решил отомстить Черкасовой за недавние угрозы. Сейчас он ее поэксплуатирует. Как она

сказала: «Можешь рассчитывать на мои контакты»?

Он зашел на почту, из ближайшего телефона-автомата позвонил Алевтине.

– Мне необходимо в театр, где работала Федоровская.

– Так иди.

– У нас пока единственный театр, дорогая начальница, просто так в него не попадешь. Билетик бы...

– Ты собираешься смотреть спектакль или говорить с людьми?

– Одно без другого невозможно.

– Перезвони минут через пятнадцать.

Через огромное окно почты Александр наблюдал за центральной улицей Старого Оскола. Люди шли неспешно, увидев знакомых, останавливались, и – разговоры, разговоры. Как не пытаются сюда внести стихию делового центра с постоянной беготней и отсутствием у каждого времени, не получается. Жизнь замерла, она почти такая же, как пятьдесят, а может и сто лет назад. Грустные лица встречаются реже; а чего грустить? Страна быстро развивается, боль Гражданской войны отходит в прошлое.

И тут... *Граница совсем рядом, Советы не смирятся, что часть их территории, причем самой богатой, отторгнута.* Может, прав Дрекслер: России нужен серьезный союзник?

Горчаков перевел взгляд на висевший невдалеке плакат, где красивый мужчина с золотыми кудрями широко улыбался всем посетителям почты. Александр знал лично и обожал

этого кудесника слова! Сергей Есенин приезжает со своей программой в Старый Оскол. Что было бы с великим поэтом, останься он в свое время в СССР? Расстреляли бы! Или тихо бы покончил жизнь самоубийством. «Дрекслер прав?!»

Глаза Есенина вдруг оживились, он словно подсказывал Александру: «Не верь ему!». Горчаков невольно отступил...

Реальность оторвала его от странного видения. Время! Пора позвонить Черкасовой.

– Алевтина?..

– Что Алевтина? Театр сегодня не работает. Завтра и послезавтра – тоже. Траур по Федоровской.

Теперь люди не просто шли по улице Колчака-Освободителя, а бродили здесь точно по лабиринту. А потом вдруг в окне почты показалось лицо карлика. Он кричал:

– *Я приду! Я обязательно приду!..*

Глава третья

...Степанов, Прохоренко, Лапин...

И пусть театр не работает. Вполне возможно, что кто-то из них на месте.

Довольно быстро Горчаков оказался около белого с колоннами здания театра. Вокруг – небольшие группы людей, на лицах большинства из них застыли горечь и ужас. При входе – объявление с лаконичной надписью: «27, 28 и 29 мая спектакли отменяются. Траур по Зинаиде Петровне Федо-

ровской».

Александр подошел к служебному входу, постучал. Долго не открывали, наконец, звякнули ключи, показалось сердитое небритое лицо:

– Спектакли отменяются!

– Мне нужен режиссер Степанов.

– Никита Никодимович занят, никого не принимает.

– Меня он примет.

– С какой стати?

– Я из газеты, вот удостоверение.

– Из газеты?! – дверь мгновенно распахнулись. – Значит, это вы с ним договаривались?

Горчаков понятия не имел, кто и о чем договаривался. Но удачным моментом следовало воспользоваться:

– Я.

– Проходите.

За Александром потянулась толпа, охранник зычно рявкнул, чтобы не рвались, потому что «все равно не пустит». Посыпались вопросы: «Кто убил Федоровскую?», «Кто заменит ее в «Грозе» и «Коварстве и любви»?», «Не снимут ли эти спектакли из репертуара?», «Почему кому-то сделали исключение и пропустили?» Охранник, долго не церемонясь, захлопнул дверь и вытер со лба капельки пота:

– Уф, достали! А вы проходите, господин. Никита Никодимович предупредил, что к нему придет человек из Белгорода. Как-то бишь ваша газета?.. «Вопросы театра»?

– Именно так.

– Я провожу вас.

– Не стоит. Сам найду. Только объясните: куда? И как пройти?

Горчаков слушал и аккуратно оглядывался, опасаясь, как бы случайно не появился Никита Никодимович. Конечно, Александра в городе знают, не посмеют указать на дверь. Но и конфликта с этой неуправляемой гориллой – охранником хотелось избежать. А то вдруг выкинут, а потом извинятся. Очень нужны эти извинения!

– ...Понятно, сударь? – услужливо поинтересовался охранник.

– Да, благодарю вас.

Горчаков уже поднялся на ступеньку, как с губ слетел еще один вопрос:

– Госпожа Прохоренко и господин Лапин здесь?

– Никого нет из трупы. Один Никита Никодимович.

По ступенькам – на второй этаж. По коридору промелькнула тень. Или Александру это показалось?

На дверях нет табличек. Куда ему? Охранник-горилла сказал: «Как поднимитесь по лестнице – четвертая комната?» Нет, через четыре комнаты?..

Похоже сюда. Вон и дверь слегка приоткрыта.

Александр легонько постучал, но никто не ответил. На всякий случай он толкнул дверь и увидел пустую комнату,

дальше – дверь, которая, вероятно вела в следующую. Именно оттуда донеслись обрывки фраз:

– ...ничем не выдать себя.

– А если докопаются? Там ведь не дураки.

Голоса принадлежали мужчинам. Через мгновение дверь открылась, они вошли в комнату, где находился Горчаков.

Одного Александр узнал его сразу: похожий на колобка, с глубокими залысинами человек был никем иным, как режиссером театра Степановым Никитой Никодимовичем. Второй – высокий, темноволосый, с пышными усищами. «Не про него ли рассказывала Лика?»

– Я вас знаю, – голос у Степанова был нервным, срывающимся. – Вы газетчик.

– Да, работаю в «Оскольских вестях».

– Как вы прошли? Я ведь дал указание никого сегодня ко мне не...

– На то я и газетчик, чтобы проходить через любые препятствия.

– Я не намерен давать интервью.

– Всего несколько вопросов.

– Нет! Впрочем, – тут он посмотрел на черноусого и судорожно закивал. – Спрашивайте!

– Есть предположения, кому могла помешать Федоровская?

– У нее имелись недоброжелатели, – голос Степанова вдруг задрожал сильнее. – А у кого из талантливых актеров

их нет? Бездари – те действительно никому не нужны.

– Недоброжелатели настолько ненавидели ее, что решились на убийство?

– В актерской среде не убивают. Зависть, интриги – да! Но уголовщина!.. Нет, увольте!

– Однако Федоровскую убили.

– Ищите преступника в другом месте, не в театре.

– А какие лично у вас были отношения с Зинаидой Петровной?

– Нормальные, рабочие.

– Никогда не конфликтовали?

– Режиссер с актерами конфликтуют всегда. Это творчество, понимаете, творчество!

– А кроме театра Зинаида Петровна чем-нибудь занималась?

– Откуда мне знать? Я с ней не ходил чай пить.

– Настоящий актер целиком отдается только искусству, – впервые вступил в разговор усатый.

– Простите, ваше имя-отчество?

– Не важно. Я человек посторонний. Ко всему, что здесь произошло, отношения не имею.

– И Федоровскую не знали?

– Никого он не знал! – взвизгнул Никита Никодимович.

– Время интервью закончено.

– Но еще остались вопросы.

– Никаких вопросов! У меня дела, траур и... привет Чер-

касовой!

Режиссер стремглав пронесся мимо Горчакова. Усатый усмехнулся и пожал Александру на прощание руку.

Как быстро пролетают дни. Однако сегодняшний напомнил Горчакову мгновение: вроде бы только-только наступило утро, а уже глядь – вечер! С другой стороны – сколько всего сегодня случилось! И вот он уже дома, в любимом мягком кресле, пьет из большой кружки чай. Но мозг не прекращал работу, дело Федоровской принимало все более запутанный характер.

Зачем Корхов послал его в театр? Ничего существенного режиссер Степанов ему не сообщил. Ничего?!

Горчаков еще раз проанализировал то, что услышал от Никиты Никодимовича. Основной его мыслью было то, что *в актерской среде не убивают*. Но ведь актеры не святоши, им свойственны те же страсти и пороки, что и другим людям. Степанов идеализирует людей искусства? Нет, он явно имел в виду другое: Зинаиду Петровну убили не за то, что она перешла кому-то дорогу на театральной сцене. Она чем-то занималась еще. Чем?..

Подозрителен его приятель с большими усами. Он упорно отрицает свое знакомство с Федоровской, хотя Лика утверждала иное. Зачем ему скрывать, если ни в чем не виноват?

Станный разговор был между этими двумя. Горчаков постарался по памяти воспроизвести его как можно точнее:

– ...ничем не выдать себя.

– А если они докопаются? Там ведь не дураки.

Первую фразу произнес тип с большими усами, вторую – Степанов. Чего так боится режиссер? И кто эти «не дураки»? И вообще, о чем речь?

Их разговор явно не предназначался для чужих ушей. Почему же дверь оказалась приоткрытой? Кто-то промелькнул в коридоре... Если раньше Горчаков не был до конца в этом уверен, то теперь не оставалось ни тени сомнения. Итак, некто приоткрывает дверь и пытается *подслушать*. Затем обращает внимание на шаги по лестнице и бежит. Вероятно, так.

Течение мыслей было прервано появлением служанки. Лена вошла с виноватым и просящим видом.

– Александр Николаевич?..

– Ну?

– Можно... поиграть с вашим героем?

Александр отнесся спокойно к несколько обескураживающей просьбе. Он лишь зевнул и отрицательно качнул головой:

– Не сегодня. Устал, много дел переделал.

– Тогда я пойду к инженеру Щербинину? Он не откажет.

– Ох, Лена доведут тебя до беды Цеткин и Коллонтай.

– Александр Николаевич, миленький, завтра утром я вернусь. И глаз не раскроете, а завтрак уже будет на столе.

– А как отреагирует жена Щербинина? Ей это вряд ли по-

нравится.

– Ее вызвали в Чернянку (административный центр в Белгородской области. – прим. авт.). Какой-то тяжелый случай.

– Ладно, иди к Щербинину.

– Спасибо! – захлопала в ладоши Лена.

– Но потом не забудь зайти к его жене.

– Зачем?

– Пусть осмотрит. Не принесла ли чего? Муж-инженер лечит, жена-доктор лечит.

– Типун вам на язык, Александр Николаевич, – воскликнула Лена и убежала.

Горчаков был рад остаться один. Никто больше не помещает ему сосредоточиться на деле убитой актрисы.

В который раз он попытался выстроить хоть какую-то схему расследования. Не получалось! Слишком мало фактов.

Нет, не случайно начальник полиции предложил ему отправиться в театр! Или... намеренно сбил со следа? Он – ищейка, ему надо быть первым.

Вконец обессиленный от дум, Александр в качестве успокоительного выпил рюмочку коньяка и упал на кровать. Все – завтра! Сейчас хоть немного забыться.

Он не знал, что забыться не удастся, и ночь станет полна неожиданностей!

...Легкий шорох. словно кто-то крался к нему. С детства Александр привык спать чутко, мать и отец предупреждали:

– Будь готов, Сашенька, ко всему. В любой момент могут

прийти плохие люди.

Плохие люди появлялись постоянно: с винтовками, штыками, пистолетами, высокие и маленькие, с бородами и без бород, в потертых зипунах и кожаных куртках. Война есть война!

Говорят, с окончанием войны исчезает и кошмар. Увы, остаются его неискоренимые следы в сознании, как вечная печать от пережитых испытаний: убийств, голода, скитаний по белому свету. И память заставляет проходить весь путь заново, проходить от начала до конца. Реальность исчезает, превращаясь в мир душевных мук.

...Сначала Александр подумал, что это Лена. Инженер выгнал ее, вот и вернулась. Теперь еще потребует от хозяина пустить ее в свою постель.

Он открыл глаза, чтобы бросить ей что-то резкое, и... звуки застряли в горле. Перед Александром – тень высокого мужчины. Рука невольно заскользила по постели...

– Не надо доставать оружие, – предупредил ночной посетитель.

«Знакомый голос!»

– У меня его нет.

Белый свет резанул глаза. Горчаков увидел высокого усатого господина, того самого, что был в театре вместе со Степановым. Присев на кровати, Александр обескуражено спросил:

– Как вы вошли?

– Входная дверь оказалась открытой. Странные у вас слухи.

«Лена забыла запереть дверь? Бред! Если только она окончательно не потеряла голову от предстоящего свидания с инженером Щербининым».

– Допустим. Но вы должны были позвать хозяина, а не появляться в его спальне привидением.

– Помилуйте! Зачем же лишним шумом будоражить дом?

– Ну вы и ловкач! А как отыскиали спальню?

– Благодарите проектировщиков с их однотипным мышлением. Да вы не волнуйтесь, Александр Николаевич, задумай я что худое, уже совершил бы его. Со спящим человеком справиться несложно.

Несмотря на молодость, Александр, как он считал, научился довольно быстро распознавать характер и наклонности людей. Сейчас он терялся. С одной стороны – незнакомец выглядел осторожным, основательным в суждениях, с другой – глаза его буравили... Александр решил во чтобы то ни стало противостоять этому натиску.

– Раз вы здесь, хотя бы представьтесь.

– Извините, моя ошибка. Вот визитка.

Горчаков прочитал: «Либер Жан Робертович, представитель компании Роял Датч Шелл в России».

– Любопытное сочетание имени и фамилии, – сказал Александр.

– Все очень просто, во мне намешано столько кровей –

английская, французская, даже еврейская. Четвертинка, от деда досталась, как и фамилия.

– Кто вы, господин Либер?

– Друг. Вы мне очень симпатичны. Поэтому пришел я к вам с благородной целью.

– Даже так?

– Слышу легкую иронию.

– Друзья по ночам не приходят.

– Вы не правы! Друзья приходят в любое время суток, приходят тогда, когда в них появляется потребность.

– А у меня есть потребность?

– Да! Хотя сами того не знаете. Я пришел предупредить: оставьте это дело с Федоровской. Право слово, никаких дивидендов, одни неприятности.

– И какого рода неприятности?

Усы на лице черноволосого как-то странно зашевелились, губы растянулись в театральной улыбке. Он без обиняков сказал:

– С вами покончат.

От такого неожиданного заявления все внутри Горчакова перевернулось, он сделал над собой колоссальное усилие, чтобы его неожиданный визитер не заметил волнения и страха. Как можно более спокойно произнес:

– Кто?

– Это уже следующий вопрос. Ответ на него лучше не искать. Просто примите к сведению.

– Что ж, – Горчаков поднялся, накиннул халат, – благодарю вас за заботу. Но у меня контракт с редакцией. И есть задание найти убийцу Федоровской.

– Вы не понимаете, в какое положение ставите себя, – уже жестко произнес Либер.

– Объясните. А то все пугаете.

– Хорошо, кое-что я скажу. Но только *кое-что*. Господин Горчаков, вы ведь не слишком любите Советскую Россию?

– Россию люблю, Советы – нет.

– Да будет вам известно, что госпожа Федоровская была большевистским шпионом.

– Любопытное заявление. И тому есть доказательства?

– Есть.

– А вам откуда это известно?

– Поскольку я представляю интересы дружеского Российской Империи государства, мне ведомо многое!

– Так кто же ее убил? Ваши... работодатели?

– Зачем! Она не представляла для нас опасности.

– Сначала вы заявляете, что она опасна, теперь иное.

– Не представляла такой опасности, из-за которой ее следовало бы убрать. Хотя убрать человека – раз плюнуть. У нас мощная разветвленная структура с достойными людьми во главе.

– Представляю.

– А вы, господин Горчаков, одиночка. Что позволено Юпитеру, не позволено быку.

– *Так кто ее убил?!* – в который уже раз воскликнул Александр.

– Имя исполнителя нам неизвестно. Да и имеет ли это значение? О заказчике остается догадываться.

– И?..

– Очевидно, советская разведка. Работа госпожи Федоровской могла ее чем-то не удовлетворить.

– Почему я должен вам верить?

– Никто никому верить не обязан, – философски изрек Жан Робертович. – Я сказал: «Очевидно».

– А вы, значит, никогда не видели Зинаиду Петровну?

– Видел. На сцене. Талантливая актриса, достойная больших высот.

Горчаков так и рвался спросить: «А как же ваш визит в ее дом?», но сдержался. Интуиция подсказывала Александру: что бы Либер не говорил, доверия ему нет ни на грош.

– Вы пришли только за тем, чтобы предложить мне бросить дело Федоровской?

– Не только. Если вы его бросите, и впрямь возникнет серьезный конфликт в редакции. А то и увольнение. Хочу предложить вам соответствующую компенсацию. Нет, не разовую: от такой навар не велик. Думаю, что пора бы в Старом Осколе организовать еще одну газету. Потребуется главный редактор. И такой редактор есть. Вы!

Горчаков присвистнул. Предложение слишком неожиданное. Однако Либер вряд ли его сделал из-за дружеского рас-

положения.

– И что я должен делать на этой должности?

– Помогать своей стране.

– Понятие расплывчатое. А конкретно?

– Чувствую деловую хватку, – в голосе Либера слышались наигранные нотки удовлетворения. – Прежде всего, Российской Империи следует сохранить независимость. Есть те, кто этому противится, большевики, например. Или Рейх. К вам ведь в редакцию приходил Дрекслер...

«Как он информирован!»

– Сей немецкий господин наобещает вам манны небесной. Только задача у него иная: немцы давно наметили Юг России своей вотчиной. И не стоит обольщаться сегодняшним их положением, оно не слишком отличается от того, что происходит у большевиков. Тот же террор, концлагеря. Не скрою, в политике Рейха меня особо задевает собственное происхождение. Я не еврей, а мишлинге (по расовой теории гитлеровской Германии это люди, имеющие еврейскую примесь. – прим. авт.), причем второй степени. Меня никто не стал бы полностью лишать прав, заставляя ходить в специальные магазины или сидеть на отдельной, выкрашенной в ядовито-желтый цвет скамейке. Но вход на многие государственные посты был бы закрыт. Хорошо, что вы не знаете, что такое поражение в правах.

– Почему не знаю? Мою семью в свое время тоже лишили прав из-за дворянского происхождения отца.

– Весьма сочувствую. И продолжу. Сегодня ваша страна как никогда нуждается в настоящих друзьях. Вспомните историю: кто являлся ее постоянным союзником? Великобритания! Были и соперничество, и кратковременные конфликты, только суть от этого не меняется. Мы обречены на вечную дружбу. Например, недавний блок Антанта – Россия, Англия, Франция, США. Не пора ли в полной мере возродить наш союз? В противном случае два жутких монстра пожрут прекрасный мир демократии.

– Ну а конкретно моя задача?

Впрочем, Александр уже догадывался, к чему клонит ночной визитер.

– Объяснять соотечественникам кто их настоящие друзья. Некоторые, к сожалению, поддаются агитации большевиков и Рейха, видят в наших действиях коварство.

– У нас подписан договор о дружбе.

– Это фиговый листок! Нужна настоящая дружба! Искренняя, осознанная. Отчего вы вдруг заулыбались?

– Дрекслер сегодня также уговаривал дружить с Германией.

– Забудьте! Рейх – отработанный материал, хотя ни фюрер, ни его приближенные этого еще не знают.

– Они не знают, а вы уже ораторствуете? – не без иронии поинтересовался Александр.

– Все предопределено, просчитано на многие десятилетия вперед. Просчитано гениальными игроками, стратегами, ко-

торые не ошибаются. Любой человек от самого маленького до диктатора или президента свободен лишь в той степени, в какой ему это дозволено.

– Можно заиграться и диктатор выйдет из-под контроля.

– Ненадолго. Очень ненадолго, уверяю вас. Вы еще будете свидетелем, как тот же Рейх окажется в руинах. Примерно через семь или восемь лет. Пострадают те, кто прямо или косвенно был связан с ним. Главным образом – косвенно.

Либер произнес это с такой уверенностью, что Горчакову сделалось не по себе. Или здесь очередной обман, или перед ним доктор-всезнайка, умеющий заглядывать в будущее. Он спросил:

– А что же вечно?

– Сами игроки.

– И они олицетворяют британскую демократию?

– В том числе. Решайте: с кем вы?

Либер почтительно поклонился, затем произнес с той же странной, пугающей уверенностью:

– До скорой встречи.

– Только не ночью.

– Ночью как-то надежнее.

Александр проводил гостя до двери («правда, не заперта!»), некоторое время наблюдал за его быстро растворяющейся в темноте фигурой. Колоссальные возможности неведомых игроков, о которых так образно говорил Либер, слабо сочетались с одним-единственным вопросом: для чего им

рядовой журналист?

Особенно жестко звучало предупреждение не заниматься делом Федоровской. Предупреждение не оставляло никаких шансов на слушание. Но если люди Либера не причастны к ее смерти, то чего им так волноваться за судьбу Александра Горчакова?

В мертвой тишине ночного города вдруг раздался... вскрик. Неизвестно чем бы все закончилось, обрати на него тогда Александр внимание. Но он даже толком не понял, что *это был вскрик*. Слишком сильно поглотили собственные проблемы.

Он запер дверь на запоры, опустил на окна ставни и отправился в спальню. Он надеялся хоть немного поспать.

Глава четвертая

Нет, поспать ему не удалось. Еще не пропели петухи, а кто-то уже колотил в дверь. Ошалевший от шума, недосыпания, главное – ночного визита, Александр с трудом поднялся, прошел в коридор.

– Кто?!

Оказалось – Лена. Она заскочила в дом и затараторила:

– А почему это вы так закрылись? На засовы! Я бы открыла своим ключом и не потревожила. Сейчас пойду что-нибудь приготовлю. А вы еще поспите, рань несусветная. Ох, и ставни на окнах закрыты. Воров боитесь?

– Ты оставила открытой дверь.

– Не может быть!.. Извините, – развела руками Лена. – Спешила. Только что-то не припомню, что *не заперла дверь*.

Горчаков решил не сообщать служанке о событиях ночи, просто махнул рукой: мол, он действительно еще подремлет. Но неугомонная Лена уже зашла в спальню:

– Хозяин!..

– Чего тебе?

– Вы даже не спросили, как у меня с инженером?

– Но это же твое дело.

– Он оказался импотентом.

– Вот как... Сожалею.

– Он мне стихи читал.

– Лена, если человек любит стихи, он обязательно импотент?

– Он только и делал, что читал. – И, хихикнув, добавила. – Понятно, в какие командировки ездит его жена.

– Сочувствую.

– И только?

– Лена, отправляйся-ка лучше на кухню!

Однако никакие уговоры, угрозы не подействовали. Лена быстро скинула платье, обнажив бюст с пышными формами, и шмыгнула в постель к Александру. В следующую секунду он ощутил, как удивительно мягкая рука коснулась любимого героя Лены. Несколько умопомрачительных движений – и герой вырос до гвардейских размеров. Голова Горчакова

закружилась, он застонал:

– Хотела поиграть? Держись!

– Держусь, – радостно сообщила служанка.

Он не запомнил, сколько раз на нее взбирался – пять или шесть. Лена визжала, стонала и все время повторяла: «Никаких стихов!». А потом... Александр ушел в нирвану, а Лена, точно силы ее утроились, напевая и пританцовывая, побежала готовить завтрак.

И опять его самым наглým образом выдернули из нирваны! И опять Лена. Она влетела в комнату, запричитала:

– Александр Николаевич...

– Я больше не могу, – ответил он.

– Да нет же, я...

– Лена, пожалей! Тебе нужна рота солдат. И даже их усилий окажется недостаточно.

– Александр Николаевич, здесь полиция?

– Полиция?

– У нас в доме.

– И что?

Горчаков решил, что к нему пожаловал Корхов. Выясняет старик о вчерашнем походе в театр. Но, выйдя в коридор, обнаружил незнакомого молодого человека.

– Простите, господин Горчаков, что побеспокоил, – козырнул полицейский. – Дело не требует отлагательств.

– Пожалуйста...

– Вы ночью, случаем, не бодрствовали?

«Почему он спрашивает?»

Александр решил пока не говорить о визите ночного гостя. Если кому и расскажет, то самому Анатолию Михайловичу.

– Спал!

– И ничего не слышали?

– Нет. А в чем дело?

– Человека убили. Недалеко от вашего дома. Вот и хожу по улице, опрашиваю людей.

Горчакову сразу вспомнился ночной крик. Не связано ли это с убийством?

– Кто жертва? Мужчина? Женщина? Я ведь журналист, в том числе освещаю криминальную хронику.

– Мужчина. Сейчас выясняем его личность. Вот его фотография, правда, мертвого.

У Горчакова все внутри сжалось, он сразу узнал Либера. Недавний самоуверенный пророк лежал на асфальте в луже собственной крови.

– Не встречали его?

Знакомство с Жаном Робертовичем становилось опасным. Подозрение могло пасть на самого Александра. Пусть он его видел всего два раза, полиции ничего не докажешь. Им только бы найти козла отпущения.

– Нет... я не знаю его.

Полицейский как будто посмотрел на Горчакова с некото-

рым подозрением.

Или Александру показалось?

...Оказавшись в редакции, он прямым направился к Черкасовой, однако и рта не успел раскрыть:

– У нас в городе новый труп. Слышал, специалист по криминальной хронике?

– Слышал.

– За два дня – два трупа. И оба убиты одинаково. Может, в городе появился маньяк?

– Хотел кое-что рассказать. Но разговор будет долгим.

– Мне не нужны рассуждения. Давай конкретику. Что-нибудь известно об убийстве Федоровской?

Горчаков рассказал обо всем, что с ним произошло. Он решил ничего не утаивать от Черкасовой. Она – хозяйка и редактор, пусть решает. Алевтина внимательно слушала, красивое лицо застыло в напряжении, в чуть прищуренных глазах читался неподдельный интерес. Она почти не перебивала Александра, а когда он закончил, по привычке затянулась сигаретой, обдумывая что-то свое.

– Давай подведем итоги, – сказала Алевтина. – Убит именно тот человек, который приходил к тебе ночью?

– Он.

– А как он к тебе попал?

– Большая загадка для меня. Служанка говорит, что входную дверь за собой закрыла, однако утверждать этого не может. Спешила...

– Она по природе рассеянна?

– Нет. Но...

– Понятно: человек несовершенен, потому делает несовершенные поступки. Я склоняюсь к тому, что *дверь была закрыта*. Он проник в твой дом. Для профессионала такое не проблема.

– Не похож он на профессионала-взломщика.

– Разве я сказала, что он *профессиональный взломщик*? Он проник, чтобы лишний раз показать: ты в его власти. Тебя серьезно предупредили, на первый раз решили купить. Предложили место главного редактора, правильно?

– Да, – не без тайного тщеславия ответил Горчаков. Может, сейчас Алевтина начнет ценить его не только как любовника.

– В следующий раз поступят по-другому. Как с тем самым Либером.

Горчакова передернуло, что не укрылось от внимательно-го взгляда Черкасовой. С легкой усмешкой она добавила:

– Решай сам: заниматься или нет делом Федоровской?

– У меня задание!

– Ценные кадры превыше всего. Получишь другое задание, и только.

– А как же выяснение обстоятельств убийства актрисы? Публика ждет.

– Обойдется публика. Дадим общую информацию о ходе расследования. Корхов поделится, не захочет ссориться с

прессой.

– Кстати о Корхове. Он тоже склонял меня к сотрудничеству. И я дал слово...

– Он уговорит любого. Недаром – Старый Лис. Однако теперь ты свободен от любых обязательств, поскольку этим делом больше не занимаешься.

– Я дал слово, – повторил Александр. – Мы ведь не в СССР, где верят не словам, а изречениям вождей.

– Что ж, продолжай расследование.

Горчаков задумался. Предупреждение Либера выглядело слишком серьезным, особенно в свете того, что случилось с самим Жаном Робертовичем. Да, за смертью госпожи Федоровской, очевидно, стоят люди непростые. Но и выглядеть трусом перед любовницей ему не хотелось. «Лишь в этом причина?»

Нет, дело засасывало Александра, как топкое болото. Ступил не туда – и каюк!

– Куда поедешь отдыхать? – вдруг весело спросила Алевтина.

– Отдыхать?

– Лето! Люди разъезжаются. Лично я – в Таврический край (современный Крым и часть Херсонской области. – прим. авт.), любимое место отдыха последнего императора. Империя без императора, нелепо как!

– А я еще не решил.

– Можем отправиться вместе, муж обузой не станет. Сер-

вис там не хуже, чем в Ницце. Многие состоятельные русские люди предпочитают отечественные курорты.

Горчаков догадался: шефиня специально уходит от главной темы, дает ему время на размышление. Упустить в расследовании время сейчас – упустить его навсегда. Следствие уйдет вперед, появятся новые факты, а редакции останется собирать объедки.

– Пожалуй, рискну. Продолжу дело.

Глаза Алевтины странно заблестели, Александр не понял – радостью или сожалением? Она наверняка внутренне ликovala, что журналист не испугался, решил не отстраняться от опасного мероприятия, но и боялась за него, вернее, за любовника.

– Хорошо, – сказала Черкасова. – Однако о каждом своем шаге докладывай мне.

– Как маленький несмышлениш: туда не ходи, и туда не суйся.

– Именно так, – подтвердила Алевтина. – Слишком уж все стремно. Что если здесь и впрямь замешаны слишком влиятельные люди? А ты, извини, не умеешь пока ориентироваться в обстановке. Когда надо, дам дельный совет.

– Спасибо, мамочка. Но без самостоятельности никак нельзя.

– Не юродствуй. Мамочка еще пригодится! Итак, что планируешь?

– Все-таки надо в театр. Режиссер Степанов бросил фразу,

что за профессиональную деятельность Федоровскую убить не могли. Тогда за что? И еще: *он знал Либера*.

– А что ты думаешь о причинах ее смерти? – вдруг спросила Черкасова, глядя на него в упор.

– Разве возможно сегодня сделать выводы? Но в ограбление я тоже не верю.

– Если политика?

– Довольно смелый вывод, – полушутя-полусерьезно ответил Горчаков. – Выходит, Федоровская иностранный агент? Тех же большевиков, например, как утверждал мой ночной гость?

– Наша страна кишит агентами. Богатая, процветающая, она слишком приманчива для многих хищников.

Александру сразу вспомнились слова Либера о «гениальных игроках», он не без грусти заметил:

– И обычным людям и целым государствам не дают нормально жить. Еще не родился, а за тебя уже все расписано: как себя вести в конкретной ситуации, с кем дружить, какую позицию занимать. И попробуй не подчиниться, «вильнуть» в другую сторону. В тебя – залпом из всех орудий!

– Благодарю Бога, что не живешь в тоталитарном мире.

«А есть разница?»

Перед глазами Горчакова возник знакомый несуразный силуэт карлика. Подбоченившись, уродец поглядывал победно, вызываяще и опять обещал *скоро прийти*.

«Нет уж, лучше как здесь, чем – как там!»

– Так ты точно решил продолжать?

– Точно! И сейчас надо еще раз встретиться со Степановым, а так же с Прохоренко и Лапиным. Они, как никто, знали Федоровскую. Вдруг выясню какую-нибудь важную деталь? Не зря Корхов меня туда посылает, ох не зря.

– Действуй, но и с начальником полиции будь начеку, не откровенничай. Да, твое слово... Засунь его куда подальше. Сам Корхов с тобой сокровенным не поделится.

– Я пошел?

– Еще одно... Моего мужа сегодня не будет. Прислугу я отпустила на целый день. Так что...

– Так что? – с тихим ужасом произнес Александр.

– С часу до трех можно отобедать у меня. Постарайся, же-ребец, поработай по полной программе.

Рядом как будто раздался язвительный смех Лены. Она торжествовала!

– Перенесем на завтра, дорогая. Я вымотан работой, ночным происшествием и прочим.

Черкасова окинула «жеребца» подозрительным взглядом.

Сегодня возле тетра было спокойно. У служебного входа Горчаков опять встретил охранника-гориллу. Тот глядел на посетителя сурово, уничижительно.

– Подвели вы меня, сударь. Досталось от Никиты Никодимовича.

– За что? – Александр старался быть искренним в своем удивлении.

– Я думал, вы из газеты.

– Да, из газеты. Вот удостоверение.

– Из другой газеты.

– Понятия не имею, о чем вы думали. Но представителя «Оскольских вестей» пропускают везде. И снова мне нужен Никита Никодимович. Кроме того – госпожа Прохоренко и господин Лапин.

Александр ожидал злобного рычания, однако охранник лишь недовольно буркнул:

– Проходите. Только вам придется обождать. Собрание трупы.

«Отлично! Послушаю, что скажут о Зинаиде Петровне ее коллеги».

...Он заглянул в большой, наполовину заполненный зал, незаметно примостился в последнем ряду и полностью сконцентрировался на происходящем. Естественно вспоминали покойную. Выступал полный мужчина, огненно-рыжий с таким красным лицом, что хоть поджигай от него. Сначала Горчаков решил, это у толстяка из-за болезни, или от волнения. Потом понял: он под крепкой мухой. Александр узнал его – известный в городе комик. Говорят, его «девичья» фамилия Чертиков. Но он ее сменил, стал Содомским. Заявляет, что из дворян, а разные завистники брешут, будто отец его был кочегаром, а мать прачкой. Содомский злился и даже давал по этому поводу опровержение в «Оскольских вестях». Отправить бы его в СССР, где человеку с дворянской

биографией дорога уготована в ад! К великому счастью для Содомского жил он в иной стране.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.